

Годовая программа журнала «Новое прошлое / The New Past» 2023

«Метаморфозы» (1/2023)

Выпускающие редакторы: Е.Ф. Кринко, А.Т. Урушадзе

Проблема интеграции Северного Кавказа традиционно рассматривается как вхождение региона в пространство Российской империи, распространение имперских технологий управления, норм социального контроля и культурных стандартов. Эта сторона интеграционных процессов широко представлена как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Но не менее значимым является изучение другого измерения региональной интеграции – внутреннего объединения территории Северного Кавказа. Внутренняя интеграция проявлялась в ликвидации этнотерриториальной замкнутости, формировании новых административных границ и практик, появлении региональных социально-экономических и культурных центров, складывании логистических связей, транспортных узлов, единого регионального рынка товаров и услуг. Исследование интеграции Северного Кавказа позволит вернее оценить масштаб трансформации края в имперский и советский периоды. В рамках последнего проходил поиск оптимальной модели административного управления и хозяйственного районирования региона, а также развивалась субрегиональная производственно-экономическая специализация. Эти многочисленные и разнообразные изменения не заканчивались уровнем политических и социально-экономических институтов, но прямо влияли на структуры человеческой повседневности, а также образы культурной памяти. Поэтому литературной аллюзией номера выбраны «Метаморфозы» Овидия как произведение о различных превращениях в определенной последовательности. Мы рассчитываем на статьи, которые бы представили имперские и советские практики интеграции в компаративном ключе, что позволит оценить эффективность различных стратегий региональной трансформации.

«По ком звонит колокол» (2/2023)

Выпускающие редакторы: Б. Вилемс, В.Ю. Апрыщенко

Концепт идеологии уже на протяжении долгого времени является одной из центральных теоретических категорий гуманитарного знания. Одни исследователи обращают внимание на слабость его теоретических оснований, другие настаивают на множестве его внутренних противоречий, третьи утверждают, что критика идеологии слишком морализирована или политизирована для того, чтобы использоваться в качестве инструмента в социальных науках. Большинство же используют концепт «идеология» как метафору при описании социальных феноменов прошлого и настоящего, будь то внутренние механизмы буржуазной мысли или современной коммерческой культуры.

Претендуя на массовую мобилизацию, любая идеология, подобно колоколу, метафора которого используется в названии романа Хемингуэя, призывает под свои знамена потенциальных сторонников и претендует на то, чтобы выглядеть

консолидированной идеей, отражающей интересы масс. Вместе с тем любая идеологическая система полна внутренних противоречий. Сами тексты Хемингуэя, особенно после его самоубийства в 1961 г., подвергались в разгар холодной войны анализу именно с «идеологической» точки зрения: и моральные, религиозные, политические аспекты его произведений казались (и, пожалуй, оказались) важнее, чем их литературные достоинства. Не случайно поэтому, что первые исследователи творчества Хемингуэя, принадлежавшие к поколению яростных американских патриотов, способствовали формированию общенациональной антикоммунистической кампании 1950-х гг. и складыванию идеологических установок холодной войны. В результате художественная полисемия хемингуэевских текстов уступала место идеологической стабильности и однозначности, и автор, с двадцати двух лет предпочитавший жить за границей, сомневающийся в ценностях американского образа жизни и подвергающий скептическому осмыслению окружающий мир, стал рассматриваться как певец американской этики. Этот факт, вероятно, отражает внутреннюю логику развития любой идеологии — стремление к гомогенизации мысли и потребность в массовой мобилизации посредством упрощения окружающей действительности.

Основной вопрос, который мы планируем рассмотреть в этом номере журнала — как функционирует идеология, призывая под свои знамена сторонников, где «каждый живущий — часть [идеологического] континента», и, с другой стороны, что движет людьми, придерживающимися разных идеологических установок. Вместо того, чтобы рассматривать нормативный аспект и классифицировать идеологии, мы сосредоточимся на механизме функционирования и внутренних противоречиях в рамках самих идеологий, на том, как в различные исторические эпохи они формулируются, репрезентируются, преодолеваются на разных уровнях — личном и групповом, идейном и институциональном, национальном и транснациональном.

Среди проблем, планируемых для обсуждения в номере:

1. (Не)свобода в идеологиях: эволюция и факторы трансформаций идеологических систем, механизмы распространения идей и роль принуждения в этом процессе. Кто является заложником идеологий: сами их творцы или те, кто разделяет эти идеи? Каким образом сложная реальность препарирована в идеологических системах и редуцируется до набора штампов?

2. Элитарное и массовое в идеологиях. «Есть ли еще другой народ, чьи вожаки были бы ему такими же врагами?» — задается вопросом герой Хемингуэя. Каковы механизмы усвоения элитарных идей массовым дискурсом и какова степень идеалистичности идеологий? Как соотносятся планы и идеи интеллектуалов с их воплощением и что остается в массовом сознании от интеллектуальных конструктов?

3. Национальное и транснациональное в идеологиях. Идеологии появляются как результат потребности в национальной мобилизации, приобретая одну из своих родовых черт — стремление к массовости. Но как национальное становится транснациональным? Из какого национального идеологического сырья изобретаются транснациональные идеологические традиции?

4. Роль насилия в утверждении идеологий. «Праздник свободы... когда не станет тех, кто там, внутри, город и земля будут нашими», — мечтают герои романа, порождая вопрос о расчеловечивании идеологических врагов и легитимации

жертвенности. Чем обуславливается степень приемлемости насилия для разных идеологических систем? Является ли революция «повивальной бабкой» не только истории, но и идеологии? И шире — какого рода конфликты и травмы способны породить идеологию и быть адаптированы ею?

5. Герои и жертвы идеологий и герои и жертвы в идеологиях. Какова роль идеологических символов, как они вырабатываются и каков их жизненный цикл? Как соотносятся идеи и символы, и происходит ли постепенная замена идей их символами? Наконец, кто является жертвами идеологий?

«Византизм и Россия» (3/2023)

Выпускающий редактор: А.В. Корневский

2023 год отмечен двумя юбилеями, чрезвычайно значимыми для отечественной культуры и общественной мысли. 170 лет исполняется со дня рождения Владимира Сергеевича Соловьева, одного из величайших русских философов и предтечи Серебряного века, и полтысячелетия минуло с того момента, как Филофей Псковский отчеканил формулу, считающуюся визитной карточкой русского Средневековья: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Точкой пересечения символических векторов, воплощаемых в двух этих знаковых фигурах русской истории идей, является текст, заглавие которого выбрано нами в качестве темы данного номера журнала. Очерк «Византизм и Россия» был опубликован Владимиром Соловьевым за четыре года до смерти, в 1896 г., и может быть отнесен к числу итоговых текстов философа, ибо в нем выражены его самые сокровенные мысли о судьбе России, ее месте в истории и божественном замысле о человечестве. Этот текст можно рассматривать и как отражение идейно-политической повестки конца XIX в., и как знаковую веху в многовековом споре об историческом пути России, в котором по сию пору не поставлена последняя точка. В то же время данное произведение многое говорит и о самом авторе, чья прозорливость позволила увидеть в идее «византийского наследия» то, чего не разглядели ни обличители «*La misérable Byzance*», ни ее апологеты из охранительного лагеря, ни политики и публицисты, грезившие об отвоевании Царьграда. Избрав в качестве фокусной точки анализа этой темы идею Третьего Рима, В.С. Соловьев ближе всех своих современников подошел к пониманию того смысла, который вкладывал в нее Филофей Псковский: не возведенное в абсолют самодержавие и уж тем более не мечта о константинопольском троне составляют ее ядро, а предупреждение об угрозе повторения судьбы двух падших христианских царств, не выдержавших бремени духовной и нравственной ответственности.

В год двух этих юбилеев мы предлагаем поразмышлять о вечно актуальных проблемах, к осмыслению которых побуждают прозрения, догадки и предупреждения двух русских пророков: о «византийском векторе» российской истории и его осмыслении в отечественной историософии и общественной мысли, о месте и значении наследия Ромейской державы в культуре, идеологии и политико-правовых традициях России, о вдохновляющих мотивах и опасных соблазнах доктрин и концепций, в той или иной степени производных от теории «Москва — Третий Рим», о том, в какой мере эти идеи могут быть актуальны сегодня, а в какой мере мы остаемся заложниками их превратных истолкований.